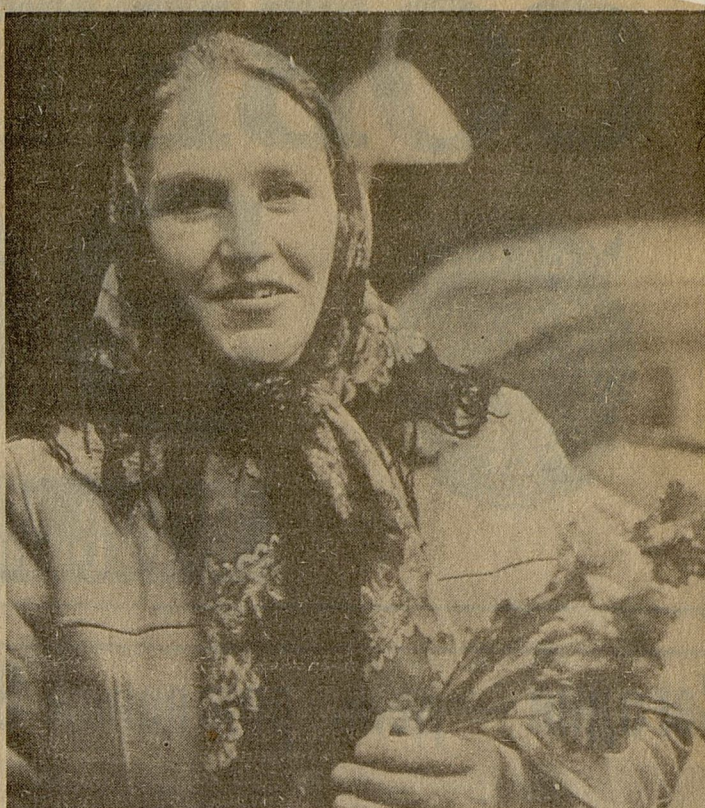

ТВА

— Из энциклопедического словаря узнала, что ваше настоящее имя — Ноябрьна...

— Это целая история. Хотите — расскажу. Мы жили на Кубани, поселок Горький Ключ называется. Мама моя была ярая комсомолка, о ней даже написано в сборнике «Комсомолыцы Кубани». И когда-то, когда еще мама моя и не замужем даже была, приехала на Кубань по комсомольским делам из города девушка Нонна, которая видела живого Ленина. Они очень подружились, и мама моя сказала, что если у нее будет дочка, то она назовет ее именем своей подруги Нонны. А когда я родилась, пошла мама в сельсовет, так, говорит, и так, хочу дочку Нонной назвать. Там смотрят в толстой книге со всякими именами и говорят: нет такого имени — Нонна. Нина есть, Ноябрьна есть, а

СМЫСЛ ЖИЗНИ — В РАБОТЕ

Наш собеседник —

народная артистка СССР Нонна МОРДЮКОВА

Нонны нет. Мама — в слезы. Тогда регистраторша ей и говорит: сейчас ноябрь, назови дочку Ноябрьной, возьми первый и последний слог — вот тебе и будет «Нона». Так мама и сделала. И после, когда я уже в школу пошла, получила в классном журнале второе «н». Так и появилось на Кубани городское имя Нонна.

— Было в нашей творческой судьбе высокое начало — роль Ульяны Громовой в герасимовской «Молодой гвардии», продолжалась она и продолжалась ролями заметными. Зрители вас знают и любят. А как вы сами оцениваете пройденный путь?

— С высоты опыта жизни и творчества честно скажу: был у меня момент метания, когда я поняла, что нет со мной рядом режиссера, который мог бы мной вдохновляться. Тогда букет ролей моих был бы разнообразнее. В институте я уже играла рабоче-крестьянские роли, и после режиссеры выбирали меня «на рабочих и крестьян». А мне хотелось барыню сыграть, чтобы много костюмов, перьев и кружев. А мой костюм еще с института — телогрейка да кирзовые сапоги. Я думала: искусство — это когда нужно взлетать, а меня все дома оставляют, в моем колхозе. И тогда мой вгиковский профессор Бибииков сказал: «Не плачь, Нонна, придет время — будешь нарасхват».

Тогда я этого не понимала: вовсе, а теперь понимаю так: человеческая жизнь коротка и актерская тоже. Человеку-художнику, занимающемуся искусством, нельзя быть всеядным, если он хочет чего-то действительно добиться.

У меня были комедийные роли — и в «Женитьбе Балзаминова», и в «Дядюшкином сне», и в «Бриллиантовой руке», костюмы и перья тоже были, но я все глубже и глубже оседала в своем истинном творческом пристанище — моем Отечестве. Было дано мне судьбой играть моих современниц, тружениц. И часто играю я с грустью: уж сколько лет после войны прошло, а женщина наша передыху не знает. Безбожно эксплуатируется женщина. И на химзаводах работает, и где тяжести подымать надо, и на авиазаводах, и где колеса автомобильные делают. И где только женщин нет.

Очень у нас этот вопрос запущен. Посмотришь в других соцстранах — тоже у них и равноправие, и социализм — а все-таки учитывается, где женщине работать нельзя, противопоказано.

А у нас — сумки на колесах для продуктов придумали. И все тут равны —

и рабочие, и служащие, и актрисы.

— Вы сама все дома делаете?

— Ну а кто же? Так же живем, как и те, кто на заводе работает.

— А семья большая?

— Мы с мужем да сын с женой и ребенком. Хватает работы.

— Так что своих героинь специально изучать не приходится?

— Я сама с ними всегда рядом жила, только успевай по сторонам смотреть да запоминать, что видишь, на будущее. Вот и все изучение.

Послевоенные мои героини настрадались за войну, голодали, работали вместо мужиков, остались неустоенными, ни любви не познали, ни материнства. Много таких сыпать мне пришлось, самая запомнившаяся — Александра Потапова из «Простой истории». В моих простых героинях есть общее, хотя места работы разные. Человеческие ходы, душевные поступки — общие.

— Но они близки и интересны не только тем, кто тяжело работает на производстве.

— Это потому, что я ролям силу своей убежденности отдавала. Поэтому их все понимают, все слои населения — и ученые, и моряки, и педагоги. Потому что основа жизни — труд. И если ты на своем месте — то твои роли всех заражают.

— Но среди прочих была у вас роль трагическая — я имею в виду фильм «Трясина». Мать солдата, благословившая сына на дезертирство. Картину трудно было смотреть — настолько страшно обнажение душевных глубин.

— По силе душевного напряжения «Трясина», может, величайшей литературе не уступает. Для меня — сильнее Достоевского и Толстого. Человеческие клетки этого выдержать не в состоянии, и во время съемок я несколько раз думала, что недотяну до конца. Как нельзя ложкой вычерпать океан, так нельзя остановить народное бедствие — об этом картина. О великой силе материнской любви, направленной во зло сыну и стране. Родился парнем — не сиди в сундуке. А она такого слизняка спасла.

Картина эта не была выпущена на широкий экран, военные решили, что она пацифична. Но сейчас она выйдет к людям. Уже было несколько показов. Так зрители на них говорили, что после просмотра хочется пойти и положить цветы к могиле. Неизвестного солдата.

— И тоже — простая женщина.

— Это моя судьба. Пол-

ная отдача — как вероисповедание.

— В смысле — полная поглощенность?

— Конечно. Я каким режиссерам не верю? Если он сначала картину о Толстом ставит, потом о колхозе, потом об армии. Если уж тебя заклинило на теме молодежи — то ты и ночью должен думать, как ей помочь.

— Почему именно — помочь?

— Знаете, меня пугает, что столько времени и внимания отдается досугу. Не труду — а досугу. Мне кажется, что это цианистый калий для человека — быть занятым только изобретением, как провести свободное время. Человек ошибается, когда думает, что он выше своего предназначения — работать. Свое «я» человек только в работе приобретает.

Смысл жизни — в работе. Я в этом убеждена. Я работала досыта и еще работать буду досыта, и эта моя чаша весов всегда перетянет другую — с популярностью, представительством и так далее.

— Вы спокойно относитесь к славе?

— Спокойно. Я знаю, что популярность моя относится к моим героиням, что они всем понятны и близки, и мне нравится именно то, что они всем близки.

Вообще-то меня жизнь баловала, все работы мои замечались. Может, потому я и отношусь спокойно к популярности, что она есть. Если бы ее не было, может, я тоже бы ревновала к чужой славе. Вообще-то это все довольно болезненно. Я, например, не знаю, в каких кабинетах звания и награды дают. Вдруг получаю звание народной артистки СССР. Для меня нет значения, какую мне машину дали на съемки ехать. И так смешно, когда кто-то из этого целое событие делает: почему кому-то «Волгу» дали, а мне — только «газик»? Я про себя точно знаю, что никогда не была и не буду «королевой Шантеклера», но кому-то доставляет радость сказать, что я не по моде одета, ну что теперь? Я не хвастаюсь, просто какие-то вещи понять не могу. Вот роль прошла мимо — могу понять. А это...

— А мимо вас ведь тоже немало ролей прошло.

— Еще сколько! Мне не везло на классику. Шолохов мимо прошел. И Лавренев. И Сейфуллина. И Алексей Толстой. Когда-то чуть руки на себя не наложила, что на Аксинью не пригласили. Но любя искусство... Знаете, в искусстве есть зона, почти недоступная для актера. Но уж если он туда залетел, — то нет ни друзей, ни врагов... Как Кириенко сыграла смерть Натальи! Как бесценно красива Быстрицкая — Аксинья! Есть такие зоны актерского вдохновения, когда забираешь в руки всех: и любящих тебя, и не любящих... Это очень трудно, очень. Вот добьешься двух-трех таких извержений — есть роль в картине.

Вот это и есть взлет, а не кружева да перья.

Беседу вела
Э. КЕКЕЛИДЗЕ.
Фото Н. Колька.